

Ганна
Шевченко

Форточка,
ветер

москвовские
ПОЭТЫ

Ганна Шевченко
Форточка, ветер
Серия «Московские поэты»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30487622
Форточка, ветер: У Никитских ворот; Москва; 2017
ISBN 978-5-00095-353-2

Аннотация

В очередную книгу серии «Московские поэты» вошли стихотворения Ганны Шевченко, опубликованные в сборниках «Домохозяйкин блюз», «Обитатель перекрёстка», а также новые произведения поэта.

Содержание

Домохозяйкин блюз	6
«Мне в детстве было многое дано...»	6
Охранник Геннадий Сушко	7
Вера	8
Как мамы	9
Невеста	11
«Заколочен досками колодец...»	12
Безумная	13
Гостья из будущего	15
«Что ты, небо, хмуришь лоб...»	16
«рядом с выходами входами...»	17
Про Филипповну	18
«День убывает, такое бывает...»	19
«Тополь стоит за окном...»	20
«В фартуке ситцевом, длинном...»	21
«Сегодня утром выпал снег...»	22
Мой холодильник Дима	23
Домохозяйкин блюз	24
«Просыпаемся рано, детей одеваем...»	25
Купание красной старухи	26
«Сидел на камне человек, я помню, он сказал...»	27
Косточки перечесть	28

«Она появилась из точки...»	30
Подмалёвок	31
Я пока ещё живая	32
Пин-код	33
Стеклодув	34
«Холодный день, окраина Подольска...»	36
«Всё будет хорошо...»	37
Обитатель перекрёстка	38
«В других мирах, в галактике, в глуши...»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ганна Шевченко

Форточка, ветер

© Шевченко Г., 2017

© ИПО «У Никитских ворот», серия, 2017

Домохозяйкин блюз

«Мне в детстве было многое дано...»

Мне в детстве было многое дано:
тетрадь, фломастер, твёрдая подушка,
большая спальня, низкое окно,
донецкий воздух, угольная стружка.

Когда на подоконнике сидишь,
то терриконы сказочней и ближе.
Мне нравилась базальтовая тишь
и мёртвый флюгер на соседней крыше.

А за полночь, сквозь шорох ковыля,
сквозь марево компрессорного воя,
подслушивать, как вертится Земля,
вращая шестерёнками забоя.

Охранник Геннадий Сушко

С редееющей грядкой последних седин,
с обтянутым формой брюшком,
томится у кассы № 1
охранник Геннадий Сушко.

Он утром увидел её у стола –
она покупала морковь,
но мимо него, изогнувшись, плыла
её равнодушная бровь.

В «Пятёрочке» цены сегодня смешны
на яблоки и молоко.

Он сделал бы скидку, ушёл от жены,
но образ её далеко,

как будто она – молодой лимузин,
а он догоняет пешком.

Томится у кассы № 1
охранник Геннадий Сушко.

Вера

Она встречает его в прихожей, говорит:

– Вымой руки, –

идёт в кухню, наливает горячий суп.

Смотрит, как он ест.

Замечает, что две волосинки поседели у него в носу.

Он вспоминает:

– У Сергея Петровича сегодня умерла мать...

Она головой качает,

ставит будильник на семь тридцать пять.

А потом они ложатся в постель,

укрываются пледом и спят.

Спят, спят, спят,

прижавшись друг к другу спинами,

восемь часов подряд.

Утром он кричит ей:

– Вера, у нас кончилась бумага!

Она ворчит сквозь сон.

Затем встаёт, прихрамывает,

подаёт ему новый рулон.

Как мамы

Мы окна мыли, мыли в октябре,
в окно смотрели,
стёкла мыли, мыли,
мы видели себя на пустыре,
в холодном ветре,
в облаке из пыли,

мы там стояли, на сухой траве,
смотрели на себя в окне немывом
и думали, что это в синеве
стоят другие,
сгорбленные бытом.

Лежал в тумане кабельный завод,
за кочегаркой зарево качалось,
а рядом начинался кислород,
и больше ничего не начиналось.

А мы стояли на сухой траве,
дышали пылью и в окно смотрели
на то, как эти сгорбленные две
маячили в проёме еле-еле

и мыли окна током чистых вод,
размазывая тряпкой по спирали.

Лежал в тумане кабельный завод,
а мы, как мамы, раму протирали.

Невеста

По мягким полозьям вельвета
плывёт, озаряя углы,
невеста, продетая светом
в любовное ушко иглы.

Отец поцелует сердечно
в дизайнерский локон виска
и в море отпустит навечно.

Посмотрит с улыбкою, как,
минуя нарядные лица,
плывёт к ней её водолаз
с цветком в белоснежной петлице,
с блестящими кошками глаз.

«Заколочен досками колодец...»

Заколочен досками колодец,
возле грядок брошены лопаты,
незнакомый и нетрезвый хлопец
курит возле дедушкиной хаты.

Выплывет хозяйка, озираясь –
что хотят незванные шпионы?
Выплеснет помои из сарая
в бабушкины флоксы и пионы.

Детство отшумело и пропало,
убежало странствовать по нивам,
затерялось в гуще сеновалов,
растворилось в воздухе ленивом.

Лишь стоит за сломанной калиткой,
возле обветшалого крыльца,
нерушимый, крепкий, монолитный
запах бузины и чабреца.

Безумная

Она сошла с ума –
сорвалась с небосвода,
пустилась по холмам,
по зимним огородам.

Скрывается, дрожит,
она подобна мухе –
то, тихая, лежит,
то ползает на брюхе.

В стране переполох,
неразбериха в прессе –
догнать её не смог
Шойгу на мерседесе.

Волнуются послы,
трясутся миротворцы,
взлетают, как орлы,
пилоты-добровольцы.

Над сферою Земли
вершат свои полёты,
но пишут «не нашли»
в космических отчётах,

ведь сверху не видна
ни Богу, ни ракетам
безумная луна
оранжевого цвета.

Гостя из будущего

Алиса, ты меня помнишь, мы лежали с тобой вдвоём
в больнице. Ты помнишь? Я – Юля, Грибкова Юля.

Алиса, ты меня слышишь, ответь мне, приём, приём!

Мы тут все в шоке. Нас, кажется, обманули.

Вы обещали, что Мила станет врачом,

а она торгует, держит точку на Черкизоне,

Фима бухает, Герасимов стал бичом,

я растолстела, Сулима сидит на зоне.

Что у вас там случилось? Вы проиграли войну?

Спаси, сохрани нас, Господи, твоя воля.

Пираты сбежали или ещё в плену?

Ведь им ничего не сказал истерзанный мальчик Коля.

Алиса, ты меня слышишь, ответь мне, приём, приём!

Наш мир завоевали Крысы с Весельчаками.

Но мы ещё терпим, дышим, живём и ждём,

что скрипнет белая дверь в заброшенном доме

с высокими потолками.

«Что ты, небо, хмуришь лоб...»

Что ты, небо, хмуришь лоб,
я опять не то молчу?
Я поеду в церковь, чтоб
любоваться на свечу.

Фитилёк мой, фитилёк,
воск, селитра, парафин,
мы с тобой похожи, Бог, –
я одна, и ты один.

А давай слетаем в лес,
над маршрутками паря?
Это происки небес,
это тяжесть октября.

«рядом с выходами входами...»

рядом с выходами входами
перегруженную тарюю
между джипами и хондами
кто её поставил старую
эту лошадь абсолютную
недействительную выписку
рядом с курсами валютными
под неоновую вывеской
куры гриль на гневном холоде
лапы кверху растопырили
это ад смотрите голуби
ваших братьев здесь поджарили
на витринах на вертящихся
рукавицы как пощёчины
на весёлых и светящихся
небеса сосредоточены
им не видно старой лошади
а всё прочее неважно я
над рыночную площадью
полетала бы бумажная

Про Филипповну

У Филипповны сумка с дырой,
прохудившийся шарф и калоши,
кардигана немодный покрой,
аметисты на старенькой броши.

То на кладбище ходит пешком,
носит мужу конфеты с печеньем,
то лежит, обвязавшись платком,
занимается самолечением.

Были б дети, пекла б пироги,
молодилась, за внуком смотрела,
а теперь под глазами круги
и тяжёлое, сонное тело.

Потому что пришли холода,
одиночество, осень, простуда,
потому что уже никогда,
никого, ничего, ниоткуда.

«День убывает, такое бывает...»

День убывает, такое бывает,
звёзды горят в темноте,
осени только ещё не хватает
этой вселенской тщете.
Возле подъезда таджики хохочут,
гравий под ноги кладут,
утром прохожие быстро затопчут
их жизнерадостный труд,
вдавят ботинками плоские шутки
в новый пахучий асфальт.
А над Подольском которые сутки
звёзды горят и горят.

«Тополь стоит за окном...»

Тополь стоит за окном,
ветками машет,
тихая музыка, лёгкий озноб,
температура.

На холодильнике разных лекарств
вскрытые пачки,
уединение, байковый плед,
чай из мяты.

Декоративный карниз,
форточка, ветер.
Тополь стоит за окном,
ветками машет.

Тихая музыка, лёгкий озноб,
температура.
Уединение, байковый плед,
чай из мяты.

Ваза в углу на окне,
ветка рябины,
декоративный карниз,
форточка, ветер.

«В фартуке ситцевом, длинном...»

В фартуке ситцевом, длинном,
немолодая на вид,
рядом с плитою «Дарина»
женщина с ложкой стоит.

Пар воспаряет, как птица,
в грозной своей красоте,
в белой кастрюле томится
суп из куриных частей.

Запах душистого перца
едко щекочет в носу,
варится, варится сердце,
тихо вращается суп.

Женщиной быть жутковато –
кухня страшнее войны.
Вздёрнуто тело прихвата
без доказательств вины.

«Сегодня утром выпал снег...»

Сегодня утром выпал снег;
последняя листва,
сорвавшись с голых тополей,
на землю улеглась
и там лежит, вращая в лёд,
темнея и дрожа,
на колком утреннем ветру;
хочу, чтоб ты любил
меня, пока дрожит листва
и первый снег идёт,
пока темнеют на снегу
следы кошачьих лап
и птица краешком крыла
касается ветвей;
хочу, чтобы ты меня любил,
всё прочее давно
уже случилось –
выпал снег,
осыпалась листва.

Мой холодильник Дима

Это невыносимо –
неопытен, годовал,
мой холодильник Дима
Катей меня назвал.

В окнах творится осень,
плавают облака,
видимо, губы просят
капельку кипятка.

Может быть, в магазине,
где он приобрётён,
пластик или резина
были со всех сторон.

Да и сейчас не лучше –
вспорот живот тунца,
в камере сбились в кучу
бройлерные сердца.

Дима, держись, я тоже
маюсь своей зимой,
как мы с тобой похожи,
господи боже мой.

Домохозяйкин блюз

Когда зажигаешь на кухне свет, становится ясно,
где лежат салфетки, где брошено полотенце.
Можно запрыгать от радости, можно запеть чуть слышно
домохозяйкин блюз под шумок кастрюльный.

сколько воды из крана течёт под камень
сколько воздушных масс над плитой клубится
сколько огня под старой сковородою
сколько земли в цветочных горшках твердеет

Не боишься уже, что кто-то крадётся сзади,
и совсем не пугает тот, кто в углу за дверью.
Потому что темнота – это теперь не страшно,
потому что тьма – это когда лампочка перегорела.

«Просыпаемся рано, детей одеваем...»

Просыпаемся рано, детей одеваем,
на бегу выпиваем свой утренний чай,
из подъезда выходим, в перчатку зевая,
мой хороший ребёнок, не озорничай.

Вот Серёжина мама, вот Катина мама,
вот Макар завершает детей череду,
показалась Кариночка между домами,
не реви, я сегодня пораньше приду.

В полвосьмого темно. Освещают дорогу
фонари: им привычен наш утренний бег,
и ложатся, помалу рождая тревогу,
скоротечные тени на выпавший снег.

Мы идём под прицелом бесшумной винтовки,
нас ведёт через темень небесный спецназ,
и становится страшно, досадно, неловко,
почему-то становится жалко всех нас.

Купание красной старухи

Не придёт она к обеду,
у неё смертельный вид.
По закону Архимеда
тело в жидкости лежит.

Выцветает обстановка,
постепенно гаснет свет.
Нервы. Сердце. Остановка.
Всё. Приехали. Привет.

Погружается, раздета,
обронивши тела клеть, —
по закону Архимеда
кто-то должен умереть.

Но душа её неслышно,
уподобясь журавлю,
поднимается над крышей,
чертит в воздухе петлю.

«Сидел на камне человек, я помню, он сказал...»

Сидел на камне человек, я помню, он сказал, что этот город, этот дом, гостиница, вокзал, химчистка, школа, магазин, деревья, детский сад, дорога с вилками столбов и мэрии фасад, плотина, небо над землей и даже облака – всё это, в общем-то, ещё не создано пока, а только кажется тому, кто вышел на балкон, от ветра сжался, запахнул истёртый балахон, тому, кто думает, что бог – огонь или рыбак, тому, кто смотрит на пустырь, не замечая, как сидит на камне человек, тот самый, что сказал: всё это – фенечка, пустяк, не верь своим глазам, другой, хороший бог, в другом, нешуточном раю тебе подарит всю любовь, всю ненависть свою.

Косточки перечесть

Рыба лежит,
дребезжит хвостом,
ёрзает животом.
– Ты, – говорит, – не жалею о том,
что я попала в твой дом,
что руки твои в моей чешуе
и запах стоит кругом.
Я полежу на твоём столе
рядом с твоим ножом
и расскажу о воде, земле
или ещё о чём.
На блюде – отрезанная голова,
стеклянными стали глаза,
но я ведь жива,
всё равно жива,
и хочется рассказать
о тихой, медленной
смерти моей,
о дробном дрожании скул,
о том, как старик ходил по песку,
словно по волоску,
щурился,
в море забрасывал сеть
и долго-долго тянул...

Тебе остаётся всего лишь съесть,
косточки перечесть...

«Она появилась из точки...»

Она появилась из точки,
из пыли небесных саванн,
плывя в акушерском лоточке
за околоплодный туман.

Сжималась, горела, крепчала,
тряслась, обрастала корой,
её мировое начало
пугало соседей порой.

Вдыхала тяжёлые газы,
утюжила внутренний слой,
и звёзды, как модные стразы,
росли над её головой.

Природой её молодойю
однажды увлётся Творец,
покрыл белоснежной водою
и силой повёл под венец.

Его не слабеет опека,
её тяжелеет живот –
сейчас они ждут человека,
который родится вот-вот.

Подмалёвок

Отражаясь в залётном чиже,
появилась весна в макинтоше,
я таких повидала уже
три десятка, а может, и больше.
Эта молния на рукаве,
эти грозди сирени парчовой,
этот дождь, этот лаковый свет
приукрасят любой подмалёвок.
Раздевайся скорее, весна,
брось резиновый плащ на отшибе;
в небе вертится солнце-блесна,
облака его ловят, как рыбы.
Белогривой водой изойдя,
бьют копытом порожные своды,
на приталенном платье дождя –
этикетка хорошей погоды.

Я пока ещё живая

Сердцелистный, равнобокий, весь в пушистой седине,
что ты, тополь серебристый, распоясался в окне,
колобродишь, наклоняясь, ветер лапами долбишь –
ты во мне переломаешь всю мечтательную тишь.

У твоих корней расселась стайка лёгких воробьих,
расскажи мне, расскажи мне что-то страшное о них.
Я услышу, испугаюсь, в одеяло завернусь,
и придёт ко мне лягушка – перепончатая грусть;
одарит меня прохладой, изменёт мою кровать,
мы с ней будем обниматься и друг друга целовать.

Я пока ещё живая, мой стишок ещё не спет –
если ты меня волнуешь, значит, скоро будет свет.
Тополь, ты такой красивый, как перчатка на столбе,
я ль тобой не любовалась, не молилась о тебе?

Всё. Меня не существует. Я распалась изнутри.
Сотвори меня из пуха, белый тополь, сотвори.

Пин-код

В банке сказали: возьмите монету,
сильно не трите, водите легко,
там под полоскою серого цвета
вы обнаружите новый пин-код.
Вышла из банка. На детских качелях
мальчик качался, скрипели болты,
рядом в «Харчевне» чиновники ели,
тёрли салфетками жирные рты.
Птицы летели, собаки бежали,
дворники мётлами землю скребли.
Вписаны эти мгновенья в скрижали
или же в ливневый сток утекли?
Город как город. Сроднился с планетой.
Город-инфекция. Город-налёт.
Если стереть его крупной монетой,
взгляду откроется новый пин-код.

Стеклодув

Как-то огонь разжѐг
опытный стекловар,
дунул в стеклянный шѐлк –
и получился шар.

Катимся, колобки,
прыгаем на ходу,
это не по-людски,
дедушка-стеклодув.

Брызжет слюной лиса,
волк разевает пасть,
в этих глухих лесах
как бы нам не пропасть.

Мы от тебя ушли –
песни хотели петь,
но на полях Земли
нас ожидает смерть.

Сети паучьей нить,
вязкая грязь болот –
как же нам сохранить
хрупкую нашу плоть.

Видишь ли, знаешь ли
ты, наполняя нас,
как по ночам болит
твой углекислый газ?

«Холодный день, окраина Подольска...»

Холодный день, окраина Подольска,
в окне стоит природа, как живая,
морозно, но ещё не скользко,
я этот день хорошим называю.

Я этот день предвидела когда-то,
я говорила: ветки опустеют,
мне кажется, я называла дату,
мне кажется, что я гордилась ею,

вот этой датой, названною кожей,
предчувствованной снами и кровями,
что я однажды крикну: о боже,
всё небо заштриховано ветвями!

И стану звать с какой-то дикой жадой
под слоем неба спрятанное солнце.
Как жаль, что день закончится однажды,
как жаль, что ночь когда-нибудь начнётся.

«Всё будет хорошо...»

Всё будет хорошо,
пока мы ещё живы,
пока горит блесна
от тяжести наживы,
пока течёт река,
пока не рвутся сети,
пока несёт рыбак
Вселенную в пакете,
пока горчит икра
крупницами сомнений,
пока готовит мать
уху по воскресеньям,
пока не тает свет
за шторой кухонной,
пока не умер Бог
за маленькой иконой.

Обитатель перекрёстка

**«В других мирах, в
галактике, в глуши...»**

В других мирах, в галактике, в глуши
выходишь из подъезда – ни души,
туманный воздух чёрен и стеклянен,
весь этот космос странный городской

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.